

DOI: 10.31857/S086919080015234-4

АРАБСКИЙ ВЕКТОР ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИРАНА И ТУРЦИИ
ПОСЛЕ АРАБСКОЙ ВЕСНЫ

© 2021

И.А. СВИСТУНОВА^а, А.С. БОГАЧЕВА^б^а – ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия
ORCID 0000-0001-5191-9090; isvistunova@imemo.ru^б – ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-0556-67198; bogacheva.ans@imemo.ru

Резюме: События Арабской весны привели к трансформации политических режимов и региональной конфигурации на Ближнем Востоке. Арабское пробуждение и его последствия оказали влияние на внешнюю политику неарабских мусульманских стран ближневосточного региона – Ирана и Турции. Обе эти страны восприняли начало Арабской весны как возможность для расширения своего регионального влияния, однако непредсказуемый ход протестных выступлений не оправдал изначальных ожиданий Тегерана и Анкары. Затянувшиеся внутренние конфликты в ряде стран Арабской весны и вмешательство в эти конфликты внешних сил привели к изменению иранского и турецкого подходов и к появлению новых тенденций в политике Ирана и Турции в арабском мире.

В условиях углубляющихся сирийского и йеменского кризисов все более важным приоритетом Ирана на Ближнем Востоке становится безопасность ближних и дальних подступов к ИРИ. В этом контексте особое значение приобретает создание приграничной «буферной зоны» за счет объединения лояльных Тегерану региональных сил.

В политике Турции в арабском мире также возросло значение противодействия вызовам национальной безопасности. Повысилась готовность Анкары использовать силовой фактор, осуществляя военные операции на территории Сирии, оказывая военную помощь ливийскому правительству в Триполи и развивая военное сотрудничество с Катаром.

Арабская весна и вопросы ее влияния на внешнюю политику Ирана и Турции привлекают внимание представителей экспертного сообщества двух стран. Оценки иранских и турецких исследователей представляют интерес для понимания региональных подходов и внешнеполитического мышления Тегерана и Анкары.

Ключевые слова: Арабская весна, Иран, Турция, Ближний Восток, внешняя политика Ирана, внешняя политика Турции, международные отношения.

Для цитирования: Арабский вектор внешней политики Ирана и Турции после Арабской весны. *Восток (Oriens)*. 2021. № 3. С. 61–73. DOI: 10.31857/S086919080015234-4

FOREIGN POLICY OF IRAN AND TURKEY TOWARDS ARAB STATES AFTER THE ARAB SPRING

© 2021

Irina A. SVISTUNOVA^a, Anastasia S. BOGACHEVA^b

^a – Primakov Institute of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences (IMEMO), Moscow, Russia
ORCID 0000-0001-5191-9090; isvistunova@imemo.ru

^b – Primakov Institute of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences (IMEMO), Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-0556-67198; bogacheva.ans@imemo.ru

Abstract: *The events of the Arab Spring resulted in transformation of the political regimes and reconfiguration of the Middle East region. The “Arab Awakening” and its consequences had impact on foreign policy of Iran and Turkey. Both of these countries perceived the beginning of the Arab Spring as an opportunity to expand their regional influence. But the unpredictability of the protests had not met the expectations of Tehran and Ankara. The protracted internal conflicts in several Arab Spring countries and the intervention of external forces in these conflicts led both to a change in the Iranian and Turkish approaches and the emergence of new trends in Iranian and Turkish policy in the Arab world.*

In times of the deepening Syrian and Yemeni crises, the security issue is becoming increasingly important for Iran and establishing its policies in the Middle East. In this context, the creation of a border “buffer zone” by uniting pro-Iranian regional forces is acquiring special significance.

The importance of countering national security challenges has also increased for Turkey’s policy in the Arab world. Ankara is more willing to use the force factor during its military operations in Syria, providing military assistance to the Libyan Government in Tripoli and developing military cooperation with Qatar.

The Arab Spring and the issues of its influence on the foreign policy of Iran and Turkey attract the attention of both Iranian and Turkish expert communities. Iranian and Turkish experts’ evaluations are important for better understanding of Iranian and Turkish regional approaches and foreign policy thinking.

Keywords: the Arab Spring, Iran, Turkey, the Middle East, foreign policy of Iran, foreign policy of Turkey, international relations.

For citation: Svistunova I.A., Bogacheva A.S. Foreign Policy of Iran and Turkey towards Arab States after the Arab Spring. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 3. Pp. 61–73. DOI: 10.31857/S086919080015234-4

Десятилетие спустя после начала событий Арабской весны, стремительно трансформировавших политическое устройство ряда государств, можно констатировать новую региональную конфигурацию на Ближнем Востоке. Вместе с тем фактор «арабского пробуждения» и его последствия до сих пор продолжают косвенно влиять на внешнеполитические стратегии Ирана и Турции – двух мусульманских стран региона, не относящихся к арабскому миру. В статье будут рассмотрены подходы иранских и турецких исследователей к Арабской весне с точки зрения ее влияния на внешнюю политику Тегерана и Анкары, а также новые тенденции в политике этих государств на арабском поле.

Проблематика влияния Арабской весны на внешнюю политику Ирана и Турции привлекла к себе внимание российских, иранских и турецких авторов, опубликовавших целый ряд научных статей после начала революционных процессов на Ближнем Востоке.

В работах отечественных исследователей изучались вопросы эволюции понятий «арабское пробуждение» и/или «арабское возрождение» в идеологических и концептуальных основах внешней политики ИРИ [Филин и др., 2019] или её ближневосточный вектор [Ахмедов, 2020; Бирюков, 2017]. Российские авторы рассматривали ближневосточную политику Ирана и Турции в целом [Глазова и др., 2014; Шлыков, 2012], турецко-сирийские отношения [Васильев, 2016] и влияние «арабской весны» на политику Турции в других регионах [Варбанец, 2012].

Иранские эксперты исследовали новые внешнеполитические подходы, обусловленные «арабским пробуждением» [Недждад, 2014], а также изменившиеся региональные обстоятельства, в которых Иран оказался после этих событий [Al-Smadi, 2017]. Турецкие авторы анализировали позицию Анкары в отношении «арабской весны» и возможности продвижения в арабском мире «турецкой модели» развития [Duran, Özdemir, 2012; Kösebalaban, 2020]. В работах турецких политологов неоднократно поднималась тема эволюции турецкой внешней политики под влиянием ближневосточных протестов [Akıllı, 2012; Kardaş, 2013; Oğuzlu, 2020(1), 2020(2)]. Отдельное внимание уделялось развитию отношений Турции со странами Персидского залива после начала «арабской весны» [Oktav, 2013].

ПОЛИТИКА ИРАНА: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ПРИОРИТЕТОВ

События Арабской весны способствовали актуализации во внешней и внутренней политике Ирана концепции «Исламского пробуждения» (перс. *бидари-йе эслами*). Её суть в самом общем виде заключалась в гиперболизации роли исламской революции 1979 г. до мессианской и представлении ИРИ в качестве катализатора развития исламизма в странах мусульманского мира [Филин, Кокликов, Медушевский, 2019]. На этом основании в общественно-политическом дискурсе ИРИ «арабская весна» часто заменяется на «арабское возрождение», с целью подчеркнуть преемственность иранской и арабских революций, а также обозначить стремление ИРИ к универсализации идеи исламского мира.

Официальная позиция Тегерана касательно Арабской весны по мере удаления от момента основных событий в период с 2010 по 2014 гг. постепенно изменялась от воодушевления и готовности к сотрудничеству с новыми арабскими лидерами до сдержанно-настороженной или даже негативной, как, например, в случае Сирии. Ключевой фигурой, с точки зрения оценки последствий происходящего в арабском мире для Ирана, стал Верховный Лидер ИРИ Али Хаменеи. Именно ему принадлежат базовые тезисы, согласно которым Арабская весна является продолжением исламской революции в Иране [Khamenei, 2011], а иранская модель исламской политической системы может быть экспортирована вовне [Khamenei, 2013].

Осмысление последствий «арабского возрождения» представителями религиозной элиты и экспертным сообществом, ответственными за выработку внешней политики, включает идеологическую и практическую линии, соответственно [Nedzhad, 2014]. Так, в рамках первой, события в арабском мире оценивались исходя из интересов национальной безопасности, в частности, проводилась политика поиска новых союзников, институализации нового порядка. В 2010–2011 гг. под эгидой ИРИ была сформирована Всемирная ассамблея исламского пробуждения (26–27 сентября 2011 г. в первом заседании Ассамблеи приняло участие более 700 участников, среди которых мыслители, лидеры сопротивления, политические деятели, известные активисты, журналисты, представители исламских партий и организаций со всего исламского мира). Целью этой организации было провозглашено «предотвращение отклонения региональных событий от правильного пути», обеспечение «единства исламской уммы и сближения между мазхабами», а также «обеспечение прозрач-

ности, информации и противодействия антиисламским движениям, стремящимся бросить вызов исламскому пробуждению» [*Всемирная Ассамблея исламского пробуждения*, 2021].

В свою очередь практическая линия выражалась мерами, предпринимаемыми МИД ИРИ. Череду революций в арабских странах объяснялась иранской пропагандой как следствие политики США и Израиля, направленной на подрыв единства исламского мира. Иранская же сторона, напротив, призывала к снижению напряженности в регионе путём реформирования политических систем арабских государств. Некоторые арабские лидеры (в том числе глава «Братьев-мусульман» Мухаммед Мурси) получали приглашения приехать в Тегеран и 27 февраля 2011 г. принять участие в конференции, посвященной исламскому пробуждению. Подобные приглашения, однако, не означали автоматического установления союзнических отношений между конкретными арабскими странами и ИРИ, но демонстрировали рост амбиций иранской стороны в условиях складывания новой региональной конфигурации.

К 2015 г. руководству Исламской Республики стала очевидна неготовность большинства лидеров арабского мира к политическому сближению и несостоятельность собственных общеисламских проектов, вдохновленных исламским пробуждением в арабских странах. Тегеран был вынужден возвратиться к политике ограниченного проецирования своего культурного, политического и экономического воздействия на страны региона. Фокус внимания руководства при активном содействии регулярных вооруженных сил Исламской Республики и Корпуса стражей Исламской Революции (КСИР) вновь оказался всецело обращен на обеспечение безопасности ближних и дальних подступов к ИРИ. В условиях усугубляющихся сирийского и йеменского кризисов возросла заинтересованность Ирана в создании приграничной «буферной зоны» за счет объединения лояльных Тегерану региональных сил. Фактор арабской весны с тех пор оказывает на внешнюю политику Ирана только косвенное влияние, и рассматривается как один из многих катализаторов трансформационных процессов на Ближнем Востоке, определивших актуальную региональную конфигурацию.

Сегодня Иран вместе с Турцией, Королевством Саудовская Аравия (КСА) и Израилем является одним из региональных лидеров и занимает важное место в системе региональной безопасности, проводит собственную региональную политику. В свою очередь арабский вектор внешней политики Тегерана распадается на несколько конкретных направлений, приоритетность которых определяется и зависит от позиций конкретных правительств или сил, противостоящих правительству той или иной арабской страны, их готовности сотрудничать с Тегераном, политической и идеологической лояльности.

По сути единственным, официально союзным Тегерану арабским государством является Сирийская Арабская Республика (САР). Однако в условиях готовности правительства Башара Асада принимать экономическую и военную помощь от ИРИ, в стране начали нарастать опасения в возможности чрезмерного усиления влияния Тегерана. И все же, Иран и Сирия тесно связаны друг с другом исторически, политически и географически. САР была включена в иранский проект «Оси сопротивления» (перс. *михвар-е могавзмат*)¹ за долго до начала арабской весны. Сирийский кризис, начавшийся в 2011 г., не рассматривался Тегераном как составляющая «арабского пробуждения» и был признан следствием американской политики.

¹ Термин впервые был употреблен на арабском языке в ливийской газете, а затем получил широкое распространение в иранских СМИ – альянс, объединивший Иран, Сирию, иракские шиитские ополчения, ливанскую «Хезбаллу» и йеменское движение хуситов. И хотя «Ось», по существу, оказалась ситуативным альянсом, обусловленным общностью геополитических представлений ее участников, ведущую роль в нем играет Исламская Республика Иран (ИРИ). Общая цель всех ее участников – противодействие проекту американско-израильского доминирования на Ближнем Востоке.

С 2011 г. до настоящего времени политика, реализуемая Ираном в Сирии, прошла несколько этапов [Богачева, 2020]. С самого начала сирийского конфликта Тегеран начал активно противодействовать попыткам США и НАТО свергнуть режим Асада [Глазова и др., 2014]. Военная поддержка наращивалась от минимального участия иранских сил до постоянного, санкционированного правительством Б. Асада присутствия на территории САР иранских и союзных ИРИ сил из числа проиранских шиитских группировок и ополчений [Ахмедов, 2020, с. 247–256].

Актуальная стадия кризиса не рассматривается Тегераном как окончательная, ввиду чего Иран пока не заинтересован в сокращении своего присутствия на сирийской территории.

Остальные арабские государства взаимодействуют с Исламской Республикой куда менее охотно. Однако и среди них руководство ИРИ выделяет более и менее приоритетные направления. Так, в настоящее время наиболее существенное влияние (помимо Сирии) Иран имеет в Ираке и Ливане, чуть меньшее в Йемене, а также периодически предпринимает попытки продвинуть собственную концепцию безопасности в Персидском Заливе.

Ливан и Ирак исторически являются зоной особого внимания Тегерана и традиционно рассматривались им в качестве форпостов сопротивления американской и израильской экспансии. Из двух стран события 2011 г. в существенно большей степени затронули Ирак, так как привели к укреплению и экспансии на иракской территории «Исламского Государства»² – террористической организации, борьба с которой на территории страны завершилась только в 2019 г., а также к разделению Ирака на сферы влияния между США, Турцией и Ираном. В Ливане «арабское пробуждение» спровоцировало очередную интифад, направленную против политики конфессионализма. Интифада продолжалась в течение 2011 года и завершилась формированием нового правительства, не решив основных проблем внутривластного устройства и сохранив «бомбу замедленного действия», снова и снова приводящую к протестам.

Союзные ИРИ силы представлены «Хизбаллой» в Ливане и блоком проиранских шиитских ополчений в Ираке. Среди них: «Катаиб Хизбалла», «Катаиб Имам Али» и «Катаиб Сейид аш-Шухада», сохранившие максимальную лояльность Тегерану даже в условиях «Арабской весны 2.0» – второй волны протестных настроений, прокатившейся некоторым странам арабского мира (Судан, Алжир, Ирак и Ливан) [*«Арабская весна»: результат внешнего влияния или часть глобального процесса, 2021*].

В целом же в обеих странах Иран сейчас сталкивается с еще большим (по сравнению с периодом 2011–2014 гг.) количеством проблем: нарастанием не только в Ираке, но теперь и в Ливане политической фрагментированности и внутривластной нестабильности, общим ростом антииранских настроений и «кризисе доверия» даже среди шиитского населения к «Хизбалле», активном противодействии росту иранского влияния со стороны США и Израиля. В частности, в Ираке отмечается снижение градуса лояльности Тегерану среди прежде лояльных ему сил народной мобилизации (СНМ); ростом автономности таких ополчений как «Бадр», «Асаиб Ахль аль-Хакк», «Харакят Хизбалла ан-Нуджаба», ранее считавшихся проиранскими. На ливанском же направлении наметилось охлаждение отношений Ирана с «Хизбаллой» ввиду ограниченности финансовых возможностей Тегерана, которое может отразиться на размере иранских инвестиций и оказываемой ей финансовой поддержке.

Дополнительным фактором, омрачающим внешнюю политику ИРИ на иракском и ливанском направлениях, является гибель в январе 2020 г. командира «Катаиб Хезболла» и фактического лидера СНМ Абу Махди аль-Мухандиса и главнокомандующего спецподраз-

² Организация запрещена в РФ.

делением КСИР «Аль-Кудс» Касема Сулеймани. Сменившие их лидеры обладают меньшей харизмой и авторитетом, поэтому они в меньшей степени контролируют ситуацию.

Арабская весна стала серьезным дестабилизирующим фактором в отношениях Исламской Республики с Саудовской Аравией и другими странами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). Период 2011–2013 гг. стал временем жесткого подавления любых шиитских выступлений в странах Залива, на что иранское шиитское духовенство не могло реагировать положительно.

Так, например, в Бахрейне в 2011 г. при подавлении суннитской правящей верхушкой протестов шиитского большинства, в целях поддержания порядка в страну были введены объединенные войска ССАГПЗ. Поводом для ввода послужили выдвинутые в адрес ИРИ правительством Бахрейна обвинения во вмешательстве во внутренние дела. Тегеран же, в свою очередь, осудил вмешательство во внутренние дела Бахрейна арабских стран, что еще больше ухудшило отношения [Al-Smadi, 2017].

Однако по мере затухания протестных настроений в странах Залива обоюдное напряжение снижалось. И в январе 2014 г. правительством Х. Роухани (заявившего пост президента в 2013 г.) были инициированы нормализация отношений по линии Иран – Залив. Новый министр иностранных дел ИРИ М.Д. Зариф в рамках турне посетил Оман, Арабские Эмираты, Катар и Кувейт, а также выразил готовность к взаимодействию с КСА [Zarif Asks Saudi, 2013]. В ходе турне М.Д. Зарифу удалось запустить нормализацию иранско-катарских отношений, следствием которой стало возобновление конструктивного диалога. Аналогичный порыв в 2014–2015 гг. был характерен и для пришедшего на смену покойного короля Абдаллы Бен Абдель Азиза нового руководства Саудовской Аравии. Однако иранско-саудовской нормализации не произошло, так как КСА развернуло военную кампанию против поддерживаемых Ираном хуситов в Йемене. Двусторонние отношения пошли на новый виток эскалации, в частности в 2016 г. во время очередного кризиса, спровоцированного казнью в КСА шиитского проповедника шейха Нимра ан-Нимра [Бирюков, 2017], между странами были разорваны дипломатические отношения.

И тем не менее сохраняющаяся напряженность в иранско-саудовских отношениях, а также в отношениях Исламской Республики со странами Залива вовсе не означает отказ правительства ИРИ от поиска путей двусторонней и многосторонней нормализации. Время от времени Тегераном выдвигаются мирные инициативы или предлагаются общие проекты. Так, например, в 2019 г. в ходе своего выступления на заседании Генеральной Ассамблеи ООН Х. Роухани предложил странам Залива сформировать «Коалицию надежды», главной целью которой стало бы обеспечение региональной безопасности. Что, однако, стало неприемлемым для Тегерана после инициированной Дональдом Трампом еврейско-арабской нормализации.

В свою очередь на йеменском направлении события Арабской весны способствовали углублению вовлеченности Тегерана. При этом фактор арабской весны имел здесь отложенный и ограниченный эффект, так как силы союзной ИРИ группировки «Ансар Алла» (хуситов) захватили Сану только в 2014 г. Кроме того, далеко не все члены движения хуситов поддерживали проводимую Тегераном политику и не были в достаточной степени близки к Тегерану идеологически (хуситы принадлежат к зейдитскому мазхабу, т.е. они догматически ближе к суннитскому направлению ислама, чем к неошиитской идеологии, положенной в основу Исламской Республики).

Несмотря на ограниченность двустороннего взаимодействия, постепенно стали наращиваться объемы иранской помощи. В частности, были увеличены объемы военно-технического сотрудничества и финансовой поддержки; возросло число рейсов по маршруту из Йемена в ИРИ, в страну были направлены иранские военные советники. Тегеран стремился

превратить хуситов в союзное ополчение, которое было бы возможно использовать против Саудовской Аравии [*Iran's Networks of Influence in the Middle East*, 2019, p. 159–178].

На сегодняшний момент реализовать это удалось только отчасти. К середине 2020 г. в Йемене обозначилась ограниченность контролируемого хуситами пространства (около 20%); а их относительная автономность и географическая удаленность от ИРИ, практически лишает Тегеран контроля над ситуацией. Кроме того, наращиванию иранского влияния активно противостоит Саудовская Аравия, осуществляются периодические перехваты поставляемой Ираном помощи.

Очевидно, что фактор Арабской весны, хоть и косвенно, все же продолжит влиять на внешнюю политику Исламской Республики Иран. И хотя перспектив пересмотра основополагающих концепций ИРИ пока нет, нельзя не принимать во внимание тот факт, что в иранском общественно-политическом дискурсе в последние все чаще стала звучать идея о необходимости пересмотра конституции. Как бы то ни было, в случае ее изменения, равно как и в случае осуществления руководством Исламской Республики реформы политической системы «сверху», смены президентских администраций и тем более верховного лидера, внешняя политика Ирана не останется неизменной и должна будет быть адаптирована к новым внутривнутриполитическим реалиям.

Аналогичным образом внешняя политика ИРИ изменится и в случае изменений на глобальном или региональном уровнях.

В свою очередь, отношения ИРИ с арабскими странами в краткосрочной и среднесрочной перспективе вряд ли претерпят серьезные изменения. Арабо-израильская нормализация, наряду с вмешательством в дела ближневосточного региона нерегиональных акторов останутся для Исламской Республики основными раздражителями на арабском направлении.

При этом в случае победы на президентских выборах в июне 2021 г. представителя ультра-консервативных сил более вероятными станут разовые эскалации в отношениях с целым рядом арабских стран. В то же время в случае победы сторонника политической линии последних лет возможно продолжение попыток нормализовать отношения с большим количеством государств ССАГПЗ.

ПОЛИТИКА ТУРЦИИ: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Начало Арабской весны в 2011 гг. было встречено в Анкаре с надеждой на усиление турецких позиций в регионе благодаря распространению в арабском мире «турецкой модели» мусульманского демократического государства. Турция приветствовала протестные движения, стремясь позиционировать себя в качестве поборника демократизации консервативных режимов. В реальности продвижения «турецкой модели» не получилось, в ряде стран конфликты приняли затяжной характер, а в отношениях Анкары с некоторыми арабскими государствами возникла напряженность. В случае с Сирией и Египтом отношения ухудшились настолько, что были отозваны послы.

Сегодня вопрос о влиянии Арабской весны на внешнюю политику Анкары вызывает различные оценки турецких экспертов. Некоторые видят в ней своего рода «водораздел» этапов развития внешней политики современной Турции [Kösebalaban, 2020; Oğuzlu, 2020(1), 2020(2)]. Волна революций стала фактором, остановившим попытки реализации региональных концепций А. Давутоглу, таких, как «ноль проблем с соседями» и «политика мягкой силы». В соответствии с этими концепциями, до 2011 г. в поисках баланса между ценностями и интересами турецкое руководство предпочитало не вмешиваться во внутренние дела соседних стран, фокусируясь на вопросах сотрудничества. Если до Арабской вес-

ны Турция стремилась к сохранению в регионе статус-кво, то после нее внешняя политика Анкары приобрела наступательный характер [Oğuzlu, 2020(2)]. Радикальные изменения политического пейзажа в арабском мире не позволяли Турции оставаться в стороне от борьбы за передел регионального влияния.

Турецкий профессор-международник Х. Кёсебалабан полагает, что для Турции Арабская весна превратилась из благоприятной возможности в тупиковую ситуацию. Турецкое руководство попыталось выстраивать региональную политику не на основе рационального подхода к происходящим событиям, но с упором на «принципы и ценности» под лозунгом защиты демократии. В частности, Анкара не смогла перевести в прагматичное русло свою реакцию на переворот в Египте, что привело к охлаждению отношений с Каиром. Напряженность, возникшая между Турцией и еще целым рядом арабских стран, стала причиной фактической региональной изоляции Анкары. После ухода в 2016 г. из турецкого правительства А. Давутоглу ответственность за внешнеполитические неудачи была возложена на него, однако возврата к рациональному курсу на Ближнем Востоке не произошло [Kösebalaban, 2020].

Известный турецкий журналист Ф. Булут считает, что Арабская весна застала Турцию врасплох, принесла ей и неожиданные возможности, и новые сложности. Анкара не смогла четко определить направление своей внешней политики, но, тем не менее, Турции удалось укрепить свои региональные позиции за период Арабской весны и показать себя влиятельным игроком на Ближнем Востоке [Bulut, 2021].

Турецкий политолог А. Эрбога, который пишет для проправительственного журнала «Критер», утверждает, что рост ревизионистских настроений среди малых игроков, уставших от региональной нестабильности, и укрепление турецких позиций в приграничной зоне Сирии позволят Анкаре без особого труда вернуть себе то положение на Ближнем Востоке, которое она занимала до Арабской весны [Erboğa, 2019].

По мнению Х. Кёсебалабана, отсутствие рациональной и последовательной внешнеполитической региональной стратегии в период после Арабской весны привело к тому, что у Турции не осталось союзников в арабском мире, за исключением Катара [Kösebalaban, 2020]. В свою очередь А. Эрбога полагает, что кроме Катара Турцию связывают прочные отношения с такими арабскими государствами, как Иордания, Палестина и Кувейт [Erboğa, 2019].

После Арабской весны во внешней политике Турции усилилось внимание к вопросам безопасности. Особенно ярко это проявилось на сирийском направлении. Начало волнений вызвало в Турции надежды на особую роль в распространении либерально-демократических ценностей в арабском мире. Анкара перешла на критические позиции по отношению к режимам, с которыми раньше активно сотрудничала, невзирая на идейные разногласия. Сирийский кризис стал первым случаем в истории республиканской Турции, когда она открыто поддержала попытку смены режима в соседней стране [Oğuzlu, 2020(2)].

Автономистские устремления сирийских курдов способствовали смещению фокуса внимания Анкары, приоритетом которой стало предотвращение появления вдоль турецко-сирийской границы сплошной полосы, подконтрольной курдам. Официальная позиция Турции заключается в том, чтобы приравнять к ИГИЛ³ боевые организации турецких курдов (РПК) и сирийских курдов (PYD/YPG) [Çavuşoğlu, 2020, p. 22]. С 2016 г. под предлогом права на самооборону от террористических атак РПК Анкара перешла к самостоятельным силовым акциям на территории Сирии. Осуществление ряда военных операций со звучными названиями («Щит Евфрата», «Оливковая ветвь», «Источник мира») позволило турецкой армии установить контроль над значительной частью приграничной зоны

³ Террористическая организация, запрещена в РФ.

в Сирии. В октябре 2020 г. парламент Турции в очередной раз продлил на год полномочия правительства отправлять вооруженные силы в Сирию.

Новым фактором арабского вектора внешней политики Анкары стало военно-политическое взаимодействие с Россией. Традиционно настороженное отношение Турции к внерегиональным игрокам на ближневосточном поле сменилось прагматичным подходом к российскому присутствию в Сирии. Астанинский процесс переговоров по Сирии, в котором участвует также Иран, и совместное российско-турецкое патрулирование в зонах деэскалации в Сирии, даже с учетом всех его сложностей, представляют собой новую модель отношений между Москвой и Анкарой. Российско-турецкий диалог в рамках сирийского конфликта и усилия двух стран по его урегулированию вывели двусторонние связи Москвы и Анкары на уровень регионального взаимодействия. Это особенно заметно на фоне присутствия в Сирии традиционного западного союзника Турции – США, стратегические разногласия с которым определили предпочтительность для Анкары российского варианта.

Попытки совместного российско-турецкого посредничества в урегулировании ливийского конфликта свидетельствуют об успешности сирийского опыта с точки зрения отношений между Москвой и Анкарой. Несмотря на разногласия в подходах сторон, поддерживающих противостоящие силы в сирийском и ливийском конфликтах, Россия и Турция получили ценные навыки регионального сотрудничества в условиях противоречий.

Ливийский конфликт дополнительно высветил рост готовности Анкары использовать фактор силы при реализации своих внешнеполитических интересов. Ранее Турция задействовала силовой фактор в арабском мире только в «ближней зоне» (на территории Сирии и Ирака). Турецкая военная активность в Ливии вышла за пределы традиционной географии. С 2020 г. Анкара начала оказывать официальную военную помощь одной из сторон гражданского конфликта в Ливии – Правительству национального согласия в Триполи. Эта политика зарубежной военной помощи кардинально отличается от действий Анкары в Сирии, где Турция объясняет свои военные операции угрозой терроризма. Турецкие власти стремятся позиционировать ливийский вектор внешней политики в качестве акции защиты законного правительства и подчеркивают, что «Турция стала единственной страной, которая откликнулась на просьбу ливийских братьев о помощи и оказала им конкретную поддержку» [Çavuşoğlu, 2020, p. 26]. Очевидно стремление турецких властей апеллировать к ценностной мотивации для объяснения своей наступательной региональной стратегии.

Еще одной новой тенденцией внешней политики Турции в арабском мире стало развитие тесных связей с Катаром в политической, экономической и военной сферах. Отправной точкой сближения двух стран послужили их симпатии к «Братьям-мусульманам» [Хайруллин, 2019], определившие сходство подходов к военному перевороту в Египте. В 2014 г. был создан турецко-катарский Высший стратегический комитет, который ежегодно собирается на заседания для обсуждения широкого спектра вопросов двусторонних отношений под председательством глав двух государств. В ходе работы шести заседаний комитета было подписано 62 соглашений о двустороннем сотрудничестве в различных сферах и шесть совместных деклараций [Dilek, 2020, p. 8].

В 2017 г. Турция вместе с Ираном официально выступила против инициированных Эр-Риядом попыток международной изоляции Катара и приняла деятельное участие в прорыве блокады, поставляя в эмират продовольствие через иранскую территорию. В 2018 г. поддержку Турции, переживавшей экономический кризис, оказал Катар, который направил в эту страну прямые инвестиции на сумму 15 млрд долларов [Dilek, 2020, p. 15]. В 2020 г. центральные банки двух стран договорились о своповых контрактах в национальных валютах в размере 20 млрд долларов [Dilek, 2020, p. 15]. Торговый оборот между двумя странами увеличился с 800 млн долларов в 2014 г. до 2,2 млрд долларов в 2019 г. [Bitmez, İbicioğlu, 2020].

В 2014 г. Турция и Катар договорились о создании в эмирате турецкой военной базы, которая была открыта три года спустя. На базе, по разным данным способной разместить от 3 до 5 тысяч солдат, несут службу 300 турецких военнослужащих [*Türkiye'nin hangi ülkede...*, 2020]. Началось регулярное проведение совместных военных учений двух стран (последние по времени состоялись со 2 по 31 марта 2021 г.). Все это означает беспрецедентное укрепление турецкого влияния в районе Персидского залива и первый случай военного проникновения сюда современной Турции.

Один из ведущих колумнистов турецкой газеты «Хюрриет» С. Эргин отмечает, что на рубеже 2020–2021 гг. на первый план во внешней политике Анкары выходит идентичность, связанная с «жесткой силой» [Ergin, 2020]. Безусловно, эта идентичность разительно отличается от популярной до Арабской весны концепции «мягкой силы» как ключевого инструмента турецкой политики на Ближнем Востоке.

Эргин выражает опасения по поводу закрепления за Турцией международного имиджа страны, которая отдает приоритет «жесткой силе». По мнению колумниста, это несет риски сужения дипломатических возможностей Анкары, что требует поиска рационального баланса «мягкой» и «жесткой» сил [Ergin, 2020].

В свою очередь известный в Турции международный обозреватель С. Кохен назвал 2020 г. «годом экспансии» во внешней политике страны, полагая, что новая стратегия Анкары привела к расширению ее регионального и международного влияния. Кохен считает, что Турция соединяет политику «жесткой силы» и дипломатию, отстаивая свои интересы, но не закрывая двери для переговорных процессов [Kohen, 2020]. Представляется, что турецкое руководство не только соединяет различные инструменты внешней политики, но и использует силовой фактор для обеспечения более выгодных переговорных позиций.

* * *

И Тегеран, и Анкара рассматривали Арабскую весну как шанс на значительное усиление своего регионального влияния. Процессы «арабского пробуждения» пошли по сценарию, который не соответствовал ожиданиями Ирана и Турции. Тем не менее, обе страны, разделяющие особый интерес к ближневосточному региону, с которым их связывает общая история и культура, пытаются заполнять геополитические лакуны, возникающие в результате череды военно-политических кризисов, охвативших арабский мир.

Затянувшиеся внутренние конфликты в ряде стран Арабской весны и вмешательство в эти конфликты внешних сил привели к появлению новых тенденций в политике Ирана и Турции в арабском мире.

В условиях непрекращающегося кризиса значительно углубилось взаимодействие Ирана с Сирией и движением хуситов в Йемене. Произошёл пересмотр приоритетных направлений «арабской политики» Тегерана, который начал попытки перезагрузить отношения с отдельными странами Залива. В последние годы наметилась тенденция снижения влияния Ирана на внутривосточную обстановку в Ираке и Ливане, в связи с чем Тегеран вынужден прилагать дополнительные усилия чтобы удержать позиции в этих странах.

В политике Анкары в арабском мире резко возросло значение силового фактора. Применение силы и использование турецких вооруженных сил за пределами национальных границ становится одним из приоритетов политики Турции в регионе. Результатом этого стали военные операции турецкой армии на территории Сирии, военная помощь ливийскому правительству в Триполи и военное сотрудничество с Катаром. В некотором смысле арабский регион для Турции оказался «площадкой», где отрабатываются новые

внешнеполитические стратегии, вызванные к жизни кризисными явлениями «арабской весны». Зона применения этих стратегий расширяется, как свидетельствует обращение Анкары к силовому фактору в Восточном Средиземноморье и Закавказье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

«Арабская весна»: результат внешнего влияния или часть глобального процесса? Валдай. Международный дискуссионный клуб [“*Arabic Spring*”: the Result of External Influence or Part of a Global Process? Valдай. Discussion Club (in Russian)] <https://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/arabskaya-vesna-rezultat-vneshnego-vliyaniya-ili-chast-globalnogo-protsessa/> (accessed: 21.03.2021).

Ахмедов В.М. Политика Ирана на Ближнем Востоке: политические и военные измерения. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 4. С. 247–256 [Akhmedov V.M. Iran’s Politics in the Middle East: Political and Military Dimensions. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2020. No. 4. Pp. 247–256 (in Russian)].

Бирюков Е.С. Взаимоотношения Саудовской Аравии и Ирана в сфере безопасности. *Россия и мусульманский мир*. 2017. № 12(306). С. 60–84 [Biryukov E.C. Security Relations between Saudi Arabia and Iran. *Russia and the Moslem World*. 2017. No. 12(306). Pp. 60–84 (in Russian)].

Богачева А.С. Политика Ирана в Сирии. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*. 2020. № 1. С. 74–80 [Bogacheva A. S. Iran’s Policy in Syria. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*. 2020. No. 1. Pp. 74–80 (in Russian)].

Варбанец П. Внешняя политика Турции в Центральной Азии и на Кавказе: отголоски событий «арабской весны». *Центральная Азия и Кавказ*. 2012. Т. 15. № 4. С. 59–66 [Varbanets P. Turkey’s Foreign Policy in Central Asia and the Caucasus: Echoes of the Arab Spring. *Central Asia and the Caucasus*. Vol. 15. No. 4. Pp. 59–66 (in Russian)].

Васильев А.Д. «Арабская весна» и участие Турции в сирийском конфликте. *Поиск. Альтернативы. Выбор*. 2016. № 1(1). С. 58–70 [Vasilyev A.D. The Arab Spring and Turkish Participation in the Syrian Conflict. *Search. Alternatives. Choice*. 2016. No. 1(1). Pp. 58–70 (in Russian)].

Всемирная Ассамблея исламского пробуждения. Исламская революция. Вчера, сегодня, завтра [World Assembly of Islamic Awakening. Islamic revolution. Yesterday Today Tomorrow (in Russian)] <https://iran1979.ru/vsemirnaya-assambleya-islamskogo-probuzhdeniya/> (accessed: 20.03.2021).

Глазова А.В., Иваненко В.И., Колесников А.А., Свистунова И.А. Влияние «арабской весны» на неарабские страны Ближнего Востока. *Проблемы национальной стратегии*. 2014. № 4(25). С. 9–27 [Glazova A.V., Ivanenko V.I., Kolesnikov A.A., Svistunova I.A. Impact of the Arab Spring upon Non-Arab Countries in the Middle East. *National Strategy Issues*. 2014. No. 4(25). Pp. 9–27 (in Russian)].

Филин Н.А., Кокликов В.В., Медушевский Н.А. Концепция «Исламского пробуждения» как внешнеполитическая доктрина Исламской Республики Иран в XXI в. *Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»*. 2019. № 2. С. 98–109 [Filin N.A., Koklikov V.V., Medushevskii N.A. The Concept of «Islamic Awakening» as the Foreign Policy Doctrine of the Islamic Republic of Iran in the 21st Century. *RSUH/RGGU BULLETIN. “Political Science. History. International Relations” Series*. 2019. No. 2. Pp. 98–109 (in Russian)].

Хайруллин Т.Р. Формирование катарско-турецкого альянса. *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 4. С. 30–35 [Khairullin T.R. The Formation of the Qatari-Turkish Alliance. *Asia and Africa Today*. 2019. No. 4. Pp. 30–35 (in Russian)].

Шлыков П.В. Ближневосточная политика Турции в контексте «арабской весны». Портал «Перспектива». 17.12.2012 [Shlykov P.V. *Turkish Policy in the Middle East under the Arab Spring. “Perspective” Portal* (in Russian)] http://www.perspektivy.info/book/blizhn vostoch naja_politika_turcii_v_kontekste_arabskoj_vesny_2012-12-17.htm (accessed: 28.03.2021).

Akıllı E. Türk Dış Politikası Zemininde Arap Baharı. *Ortadoğu Analiz*. Ocak 2012. Cilt: 4. Sayı: 37. S. 39–45 [Akıllı E. The “Arab Spring” in the Context of Turkish Foreign Policy Tradition. *Middle East Analysis*. January 2012. Vol. 4. No. 37. Pp. 39–45 (in Turkish)].

Bitmez S., İbicioğlu S. Türkiye-Katar iş birliği 2020 yılında Kovid-19 salgınına rağmen güçlenerek devam etti. *Anadolu Ajansı*. 23.12.2020 [Bitmez S., İbicioğlu S. In 2020 Turkey-Qatar Cooperation Strengthened Despite Covid-19. *Anadolu Agency*. 23.12.2020 (in Turkish)] <https://www.aa.com.tr/tr/dunya/turkiye-katar-is-birligi-2020-yilinda-kovid-19-salginina-ragmen-guclenerek-devam-etti/2086466#> (accessed: 25.03.2021).

Bulut F. “Arap Baharı”, devletlerin dış politikalarını nasıl etkiledi? *Independent Türkçe Sitesi*. 07.01.2021 [Bulut F. How Did the Arab Spring Influence Foreign Policies of States? *Independent Türkçe Portal* (in Turkish)]. <https://www.indyuturk.com/node/296216/turkiyeden-sesler/arap-bahari-devletlerin-dis-politikalarini-nasil-etkiledi-3> (accessed: 05.03.2021).

Çavuşoğlu M. 2021 Yılına Girerken Girişimci ve İnsani Dış Politikamız. *Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı Resmi Sitesi*. 14.12.2020 [Çavuşoğlu M. Our Proactive and Humanitarian Foreign Policy on the Eve of 2021. *Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs Official Website* (in Turkish)]. http://www.mfa.gov.tr/site_media/html/2021-yilina-girerken-girisimci-ve-insani-dis-politikamiz.pdf (accessed: 18.03.2021).

Dilek Ş. Katar Yatırımları ve Türkiye’nin Yeri. *SETA Analiz*. Aralık 2020. Sayı 341 [Dilek Ş. Qatar Investments and the Place of Turkey. *SETA Analysis*. December 2020. No. 341 (in Turkish)].

Duran H., Özdemir Ç. Türk Dış Politikasına Yansımalarıyla Arap Baharı. *Akademik İncelemeler Dergisi*. Cilt 7, Sayı 2, Yıl 2012. S. 181–198 [Duran H., Özdemir Ç. Arab Spring with Its Reflections in Turkish Foreign Policy. *Journal of Academic Inquiries*. 2012. Vol. 7. No. 2. Pp. 39–45. (in Turkish)].

Erboğa A. 2019’da Türkiye’nin Ortadoğu Politikası. *Kriter Dergisi*. Ocak 2019 / Yıl 3, Sayı 31 [Erboğa A. Turkish Foreign Policy in the Middle East in 2021. *Kriter Journal*. January 2019 / Year 3. No. 31 (in Turkish)]. <https://kriterdergi.com/yazar/abdullaherboga/2019da-turkiyenin-ortadogu-politikasi> (accessed: 15.03.2021).

Ergin S. 2020’den 2021’e dış politika(2) – Türkiye’nin ‘sert güç’ kimliği ön plana çıkıyor. *Hürriyet Gazetesi*. 30.12.2020. [Ergin S. A “Year of Expansion” in Foreign Policy from 2020 to 2021 (2) – Turkey’s “Hard Power” Identity Steps Forward. *Hürriyet Newspaper*. (in Turkish)]. <https://www.hurriyet.com.tr/yazarlar/sedat-ergin/2020den-2021e-dis-politika2-turkiyenin-sert-guc-kimligi-on-plana-cikiyor-41701711> (accessed: 05.04.2021).

Iran’s Networks of Influence in the Middle East. The International Institute for Strategic Studies (IISS), 2019.

Kardaş Ş. Türkiye ve Arap Baharı: Türkiye’nin Orta Doğu Politikasındaki Değişiklikler. *Hazar raporu*. Bahar 2013. S. 71–79 [Kardaş Ş. Turkey and the Arab Spring: Changes in Turkish Policy in the Middle East. *Hazar Report*. Spring 2013. Pp. 71–79 (in Turkish)].

Khamenei A. *Bianat dar edzhlas-y bein olmelâli-ye bidari-ye eslami*. Khamenei.ir. 17.09.2013. <https://farsi.khamenei.ir/speech-content?id=17269> [Khamenei A. *Statements at the International Summit of the Islamic Awakening*. Ali Khamenei’s Official Website “Khamenei.ir”. 17.09.2013 (in Persian)]. (accessed: 26.03.2021).

Khamenei A. *Khotbekha-ie namaz-e dzhome-e tehran + tardzhome-e khotbe-ie arabi*. Khamenei.ir. 04.02.2011. <https://farsi.khamenei.ir/speech-content?id=10955> [Khamenei A. *Friday prayer sermons in Tehran + translation of sermon in Arabic*. Ali Khamenei’s Official Website “Khamenei.ir”. 04.02.2011 (in Persian)]. (accessed: 26.03.2021).

Kohen S. Dış politikada “Yayılma Yılı”. *Milliyet Gazetesi*. 29.12.2020 [Kohen S. A “Year of Expansion” in Foreign Policy. *Milliyet Newspaper*. (in Turkish)]. <https://www.milliyet.com.tr/yazarlar/sami-kohen/dis-politikada-yayilma-yili-6391676?sessionid=3> (accessed: 05.04.2021).

Kösebalaban H. 2021’e Girerken Türk Dış Politikasının Dönüşümü. *Perspektif Sitesi*. 31.12.2020 [Kösebalaban H. Transformation of Turkish Foreign Policy Heading into 2021. *Perspektif Portal*. 31.12.2020

(in Turkish)]. <https://www.perspektif.online/2021e-girerken-turk-dis-politikasinin-donusumu-2/> (accessed: 10.03.2021).

Nedzhad S.A. Ravikrod-e siesat-e kharedzhi-ye eslami-ye Iran dar gebal takhavolliyat-e novin-e khar-e nazdik. *Faselename "siosat"*. 2014. №1(4). S. 61–76 [Nejad S.A. Foreign Policy Approaches of the Islamic Republic of Iran in the Face of New Events in the Middle East. *"Politics" Quarterly*. 2014. No. 1(4) (in Persian)].

Oğuzlu T. (1) Arap Baharı'na kadar dış politikada realist ve liberal dinamikler. *Antalya Ekspres Gazetesi*. 24.07.2020 [Oğuzlu T. Realist and Liberal Dynamics in Foreign Policy Before the Arab Spring. *Antalya Ekspres Newspaper*. 24.07.2020 (in Turkish)] <http://antalyaekspres.com.tr/yazi/prof-dr-tarik-oguzlu/-arap-bahari-na-kadar-dis-politikada-realist-ve-liberal-dinamikler/98436> (accessed: 09.03.2021).

Oğuzlu T. (2) Arap Baharından 2015'e Türkiye'nin Ortadoğu politikasında realist ve liberal dinamikler. *Antalya Ekspres Gazetesi*. 30.07.2020. [Oğuzlu T. Realist and Liberal Dynamics in Turkish Foreign Policy in the Middle East from the Arab Spring till 2015. *Antalya Ekspres Newspaper*. 30.07.2020. (in Turkish)]. <http://antalyaekspres.com.tr/yazi/prof-dr-tarik-oguzlu/arap-baharindan-2015-e-turkiye-nin-ortadogu-politikasinda-realist-ve-liberal-dinamikler/98508> (accessed: 09.03.2021).

Oktav Ö.Z. Arap Baharı ve Türkiye-Körfez Devletleri İlişkileri *Ortadoğu Analiz*. Mart 2013. Cilt: 5. Sayı: 51. S. 69–78 [Oktav Ö.Z. The Arab Spring and Turkey GCC States Relations. *Middle East Analysis*. March 2012. Vol. 5. No. 51. Pp. 69–78 (in Turkish)].

Al-Smadi F. Iran and the Arab Revolutions: Narratives Establishing Iran's Monopolism. *Al Jazeera Center for Studies*, 2017. <https://studies.aljazeera.net/en/reports/2017/03/iran-arab-revolutions-narratives-establishing-irans-monopolism-170318050125225.html> (accessed: 21.03.2021).

Türkiye'nin hangi ülkede, kaç askeri var, hangi gerekçelerle bulunuyor? *Evrensel*. 18.11.2020 [In Which Country, How Many Soldiers and for What Reasons Does Turkey Have? *Evrensel*. 18.11.2020 (in Turkish)]. <https://www.evrensel.net/haber/395467/turkiyenin-hangi-ulkede-kac-askeri-var-hangi-gerekcelerle-bulunuyor>. (accessed: 13.03.2021).

Zarif Asks Saudi Arabia to Work with Iran. Al-jazeera, 02.12.2013. <http://www.aljazeera.com/news/middleeast/2013/12/zarif-asks-saudi-arabia-work-with-iran-2013122154323461970.html> (accessed: 21.03.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

СВИСТУНОВА Ирина Александровна –
к.и.н., старший научный сотрудник Центра
ближневосточных исследований ИМЭМО
им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия.

Irina A. SVISTUNOVA, PhD (History), Senior
Research Fellow, Center for the Middle East
Studies, IMEMO, Moscow, Russia.

БОГАЧЕВА Анастасия Сергеевна –
младший научный сотрудник Центра
ближневосточных исследований ИМЭМО
им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия.

Anastasia S. BOGACHEVA, Junior Research
Fellow, Center for the Middle East Studies,
IMEMO, Moscow, Russia.